

С.В. Бахрушин

**Остяцкие и вогульские
княжества в XVI-XVII веках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С.В. Бахрушин
С11 Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII веках / С.В. Бахрушин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 90 с.

ISBN 978-5-458-55505-0

Книга известного советского историка С. В. Бахрушина посвящена этнической и социальной истории народов ханты и манси в начальный период проникновения русских в область Югры, и отчасти - на предшествующих стадиях. С историографической точки зрения книга представляет собой интерес, как довольно показательный пример попытки всё объяснить с классовых позиций упрощённой советской версии марксизма образца 30-х годов XX века, включая историю народов живших присваивающим хозяйством.

ISBN 978-5-458-55505-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

так называемых остяков на две группы, резко отличные: собственно остяков („кандаях“) и „чугулов“, называемых в настоящее время остяко-самоедами (селькупами). „Только у них, хотя и один народ и вера одна, — пишет он, — однако языки у них живут разные. насилу друг друга выражают“¹. Наконец, под именем остяков известны были русским и кеты (так называемые енисейские остяки). В настоящем исследовании устранен весь материал, относящийся к этим двум группам „остяков“, поскольку, по крайней мере, это позволяли источники.

Вогуличи занимали в XVII в. оба склона среднего Урала, захватывая на западе верховья Печоры, Вишеру и притоки Камы—Косву, Чусовую и Сылву с Иренью², а на востоке — Тавду с Сосвою и Лозьвою, Туру с ее притоками и Конду и еще некоторые пункты поблизости от указанных рек. Места поселения вогуличей приходились таким образом на Верхотурский, Туринский, Пелымский и отчасти Тобольский уезды.

Почти исключительно вогуличами был населен Верхотурский уезд. Здесь вогуличи жили на реке Сосве и ее притоке Ляле, на Лозье, на Туре, на Тагиле и на Салде, на Невье и на Мулгае; кроме того, имелись вогуличи и в окрестностях Аятского озера, где они жили смешанно с татарами. Туземное население уезда было очень редко; в 20-х годах XVII столетия ясачных вогуличей здесь было около 200 человек. К Верхотурскому уезду были приписаны также вогуличи, жившие к западу от Урала — на Косве и вверх Чусовой реки, а до 1607 г. и вишерские вогуличи³. Вогульские „жилища“ из Верхотурского уезда тянулись вниз по Туре в Туринский уезд. Здесь, однако, вогуличи, жившие среди татар и сами сильно отатарившиеся, не поддаются выделению из общей массы туземного населения: русские документы жителей одних и тех же юртов называют попеременно то татарами, то вогуличами, то остяками. Почти сплошь вогульским являлся Пелымский уезд, расположенный по Тавде с ее притоком Пельмью и по Конде: волости Низ-Тавдинская, Тахтаанская, Верх-Пелымская, Ворьянская, Вагильского озера. Сосвинская, Лиственничная (Подгородная), Леушская, Большая Конда. Впрочем, в южной части уезда в двух Табаринских волостях вогуличи подверглись сильному татарскому влиянию. По данным 1628/29 г. в Пелымском уезде считалось 624 ясачных людей; и в те же годы в Табарах 70 вогуличей сидело на пашне⁴.

Несколько вогульских волостей имелось и в Тобольском уезде, например, Ясколба и Лоймытамак на р. Лойме, Юконда, в кото-

¹ Путешествие Спафария, изд. Арсеньевым, стр. 83—84.

² Повидимому, под сылвенскими и иренскими остяками или татарами источников надо понимать вогуличей.

³ Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 423 — 447. (Ср. ясачную книгу 1626 г. напечатанную в извлечении Дмитриевым в „Пермской старине“, VII стр. 170 — 175) А. И., т. II, № 82 (II).

⁴ Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 400об. 645а — 671.

рой вогуличи жили в начале XVIII в. смешанно с остяками, городок Кошуки, городок Чандыр, в которых в 1628/29 г. числилось 184 человека; но процесс татаризации тобольских вогуличей шел здесь так быстро, что не всегда легко выделить вогульский элемент из общей массы татар¹.

Наконец, в Березовском уезде под именем ляпинских и сосвинских остяков, о которых будет сказано ниже, повидимому, обитали те же вогуличи.

Остяки в XVII в. жили по течению Оби, начиная от впадения в нее Вас-Югана, вниз до самого устья. В более раннюю эпоху территория, занятая ими, простиралась на запад за Урал, и еще в XVI в. мы находим отдельные „остяцкие улусы“ в соседстве с Строгановскими вотчинами на Сылве². Если верить русским источникам, и в вогульских юртах Туринского уезда в конце XVI в. еще жили остяки. Но если мы не имеем здесь смешения остяков с вогуличами, то это были лишь обломки прежнего остяцкого населения.

Татары, захватив земли между Тоболом и Иртышом, отчасти ассимилировали живших здесь остяков и вогулов, а главную массу их оттеснили на восток.

В XVII в. „страна остяцкая“ начиналась на Иртыше между впадением его в Обь и устьем Тобола „яко тихим плаваньем в трех днях от Тобольска“. По данным Спафария, „остяцкие жилища“ начинались деревнею Лебуут, ниже устья Туртаса, в 103 верстах от Тобольска³. К числу остяцких волостей Тобольского уезда относятся городки Назым, Нарым, волость Цынга или Цыньяла, три волости на р. Демьянке, Меньшая Конда на нижнем течении Конды, возможно, что и некоторые другие волости, о которых у нас нет точных сведений, могли быть тоже населены остяками. В названных волостях в 1628/29 г. насчитывалось более 140 человек⁴. У впадения Иртыша в Обь находилась остяцкая Белогорская волость, разбитая между двумя уездами: Тобольским и Сургутским. Далее по Оби и вниз до устья и вверх приблизительно до Нарымского уезда мы имеем почти сплошное остяцкое население.

Расположенный по нижнему течению Оби Березовский уезд в XVII в. был весь заселен остяками и вогулами, которые обра-

---

¹ Сибирский Приказ. кн. № 19, лл. 376об., 378, 380, 380об. Эти волости были, повидимому, отатарены в течение XVII в. Миллер (портфель 506, л. 93) в одной из своих рукописей пишет так о кошуцких и табаринских вогулцах: „Почнеже они из древних лет женитьбою с татарами соединялись и притом також язык и поведение в житии приняли, то ныне надлежит их более почитать за татар“.

² Дмитриев. „Пермская старина“, вып. IV, стр. 134 — 135. Правдоподобнее, что это не остяки, а, как сказано выше, вогуличи. Впоследствии они были известны под названием сылвенских и иренских татар.

³ Путешествие Спафария, стр. 34. Гр. Новицкий, Краткое описание о народе остяцком. СПб. 1884, стр. 23 — 24. ГАФКЭ. Портфель Миллера, № 506. Миллер (л. 96) считает тоже последними татарскими вол. Туртасскую и Уватскую.

⁴ Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 372 — 373, 375 — 377.

зовывали здесь несколько волостей: 1) близ устья Оби волость Обдорь с городками Войкаром (Ночным), Уркаром (Белым) и Каменным; 2) на правом притоке Оби Куновати — Куноват с городком того же имени; 3) на следующем большом ее притоке справа Казыме — Казым с городками Казымом, Кинчикором, или Кельчикором, и Черикором; 4) на левом притоке Оби Сосве — волости Сосвинская и Естыльская; 5) на притоке Сосвы Сыгве — Ляпинская с городками Ляпиным, Мункосом и Юилом; 6) около Березова подгородные юрты; 7) выше Березова по Оби были расположены так называемые Кодские городки (12 городков и Киддысанские юрты), составившие до 1644 г. независимое княжество; 8) на левом притоке Оби Емдыре — Емдырская волость, находившаяся первоначально во владении кодских князей; 9) Вас-Пуколская, принадлежавшая им же, и 10) Белогорская волость — у впадения Иртыша в Обь. Всего в 1628/29 г. в Березовском уезде числилось 1029 человек, в 1638/39 г. — 1092¹, не считая Коды с Емдырской и Вас-Пуколской волостями. В Кодских городках и приписанных к ним волостях было, по данным 1629/30 г., 322 человека, способных к уплате ясака, по сведениям 1644/45 г. — 440—450 человек². На 1689 г. в уезде насчитывалось 1643 человека³. Главную массу населения Березовского уезда составляли остяки; но на Сосве и Сыгве, судя по позднейшим данным, под именем остяков надо понимать вогуличей (в 1638/39 г. — 521 человек, в 1689 — 674 человека)⁴.

От устья Иртыша далее вверх по Оби остяки населяли весь Сургутский уезд, в состав которого входили волости: 1) Белогорская с Муалымским городком⁵, обломок Белогорской волости Тобольского уезда, приписанный в 1610 г. по ходатайству самих остяков к Сургуту; 2) Темlicheева или Базьянская; 3) Селийрская, на р. Лямине, одном из правых притоков Оби⁶; 4) Салымская⁷, на левом притоке Оби Салыме, с городком того же имени, упоминаемым в Книге Бол. Чертежа⁸; 5) Бардакова, на реке Бардаковке, впадающей в Обь несколько восточнее Сургута, у устья которой сохранились остатки Бардакова городка; 6) Юганская, или Югорская, на левом притоке Югане, из которой выделены были в особую волость человек 20—30 остяков, живущих „под городом“, „для подвод“; 7) Ларьяхская, по реке Ларьяхе, впадающей в Вах;

¹ Сибирский Приказ, кн. № 19, лл. 705 — 709об., кн. 127, лл. 443 — 550об.

² Там же, ст. №№ 27, 371, кн. № 202, л. 193об.

³ Там же, кн. № 26, л. 95.

⁴ Там же, кн. № 127, л. 510об., 528; № 26, л. 88об., 92.

⁵ В Кн. Бол. Чертеж у устья Иртыша назван „град Мазым“, стр. 210.

⁶ Вероятно, в этой волости был расположен упоминаемый в Кн. Бол. Чертеж. „град Салыпра“ (стр. 211).

⁷ У Буцинского (К истории Сибири, в Записках Харьковского университета, 1893, II) по ошибке Саламская.

⁸ Кн. Бол. Чертеж., стр. 211. Салым стоял в 60 верстах (700—1000 саженьных) выше Салыры; между Салырой и „Мазымом“ названы еще грады Ярдым, Лирик и Лунгучей (стр. 210—211).

8) Ваховская, на Ваху, большая часть населения которой до 1644 г. была в подданстве у князей кодских; 9) Луипуколская, по правому берегу Оби, состоявшая собственно из трех волостей; 10) Аслыпская¹; 11) Вас-Юганская, на левом притоке Оби -- Вас-Югане. Вас-Юган в настоящее время является границей распространения остяков на восток; дальше идут остяко-самоеды и кеты. В XVII в. имеются сведения, что остяки с верховьев Ваха проникали для промыслов на Таз, где нередко у них происходили столкновения с мангазейскими самоедами; в конце столетия несколько человек сургутских остяков (8—16 человек) числились плательщиками ясака в Мангазейском уезде.

Общая численность сургутских ясачных остяков в 1635/36 г. определяется приблизительно в 900 человек, в это число не входят остяки, платившие ясак кодским князьям, которых в 1629 г. было 61 человек².

Несмотря на кажущуюся точность статистических сведений ясачных книг, они в сущности дают очень мало для суждений о численности вогульского и остяцкого населения Сибири в XVII в., особенно для первой половины столетия.

При разбросанности юртов звероловов, при их частых передвижениях, наконец, при незнании языка русскими служилыми людьми, всецело зависевшими от малограмотных толмачей, не могло быть и речи о полном учете, не говоря о том, что ясачному плательщику подлежали только мужчины определенного возраста, вполне работоспособные, а остальное население вообще не принималось в расчет. Со стороны ясачных людей постоянно имело место укрывательство подраставших новиков; так называемые захребетники, т. е. туземцы, не имевшие самостоятельного хозяйства, тоже очень часто ухитрялись оставаться вне ясачного платежа. Наконец, не всегда можно точно установить племенной состав той или иной волости. Таким образом сообщаемые цифры могут быть принимаемы лишь с большими оговорками. Для конца 20-х — начала 30-х годов XVII в. число ясачных вогулов и остяков может быть определено в круглых цифрах (без Туринского уезда) в 2700 слишком человек, считая Коду и зависевшие от нее волости. По представлению русских, это была очень многочисленная народность. „Вся же сия преисполнена многолюдством народа сего“ — восклицает Спафарий про остяков

Разнообразие природных условий той обширной территории, на которой жили вогулы и остяки, не могло не отразиться на их хозяйственном быту.

¹ У Будинского неверно: Аслыпская.

² О сургутских остяках см. Сибирский Приказ, кн. № 1, л. 262 сл. (133 г.), л. 292 сл. (134 г.), кн. 19, л. 581а сл., кн. 271, л. 435а.

³ Путешествие Спафария, стр. 83—84. Спафарий, впрочем, имел в виду всех вообще остяков в обычном словоупотреблении того времени.

Для остяцких и вогульских племен, живших на Оби, основным средством существования являлось рыболовство. Еще в конце XVIII в. Паллас писал: „Остяков можно сравнить с рыбаками так, как номадский народ за пастухов почитают, потому что рыболовство у них во все лето, да и несколько зимою первейшее упражнение и пропитание“¹. В XVII в. действительно рыба служила главным предметом питания для приобских остяков и вогуличей. „Иные и сырую едят, а иные сушат и варят“, и Спафарий с своей средневековой ученостью не случайно отождествляет их с „ихтиофагами“, т. е. „рыбоядцами“². Главной заботой было поэтому, по выражению кодских остяков, „рыбы с брюхо... упримышлять, чем кормиться“. „А, кроме рыбных запасов, — жалуются их сургутские сородичи, — у нас, сирот твоих, иных запасов никаких не живет, а место у нас бедное, пашен и скота у нас никакого нет. кормимся рыбенкою, и твоего государева ясаку промышлять без запаса на лес ходить нечем“. Все зависело от результатов рыбной ловли, „в которую издобыти рыбы про запас на всю зиму“. В 1642 г. сургутские князцы и ясачные люди „у платежу“ ясака заявляли, что „которые ясачные люди рыбных запасов добыли много, и те-де ясачные люди ходили на зверовые промыслы в дальние места... и те-де платили государев ясак и поминки, полные оклады, а которые-де ясачные люди рыбных запасов добыли мало, и те-де в дальние места на зверовые промыслы не ходили, а промышляли-де вблизи по своим жилищам“. На зиму готовили запасы сушеной рыбы: „вары запирают и сухую рыбу готовят“³.

Рыба доставляла не только пищу, но и одежду: „и не только ради прокормления своего рыбу ловят, но и платье себе делают, и сапоги, и шапки; а шьют их рыбьими жилами“. Они „проделывают“ рыбы кожи рыбьим жиром, „аки ровдугу мягкостью, которые отнюдь дождя не боятся“. „Одежда их обще из кож рыб, наипаче с налима. — пишет Новицкий. —...тожде с осетра и стерлядей одерше кожу, толико трудами своими умягчают, яко могут все одеяние себе из них сошито: обще же из налимеи кожи — кожаны, с иных же чулки, сапоги себе утворяют“. „Бедные лючки... ходят зимою и летом в рыбных кожанишках“; только старые для зимнего времени шьют себе одежду и сапоги еленьих кож“, бедняк „и зимнего времени лютость тяжчайших мразов претерпевает в кожанах“⁴.

¹ Паллас Путешествие по разным провинциям Российского государства, III, под. I. СПб., 1788, стр. 54.

² Путешествие Спафария, стр. 81.

³ Сибирский Приказ, ст. № 8, л. 26, кн. № 154, лл. 620об — 621 кн. № 202, л. 213. Акты времен царствования В. Шуйского, стр. 116.

⁴ Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Гр. Новицким, под ред. А. Н. Майкова (Памятники древней письменности и искусства, СПб. 1884), стр. 31, 38 — 39. Сибирский Приказ, ст. № 8, л. 24. Сибирск. летопись, стр. 378. Путешествие Спафария, стр. 84.

Изалишек рыбы шел на торговый обмен. Казымские остяки, например, „которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряной самоеды мягкую рухлядь и тем свои нужи исполняли“¹. Точно так же обдорские остяки меняли самоедам сухую рыбу на меха².

От улова зависело благосостояние, не только успех промыслов, но и самая жизнь. „С прошлого, государь, со 139 году и по нынешней 150 год, — жаловались в 1642 г. казымские остяки, — пришла на нас, сирот твоих, нужда великая: от больших вод рыбного промыслу у нас не стало, терпим нужу и голод по вся годы великий, и многие казымские остяки с женами и с детьми с голоду померли, а иные, государь, наша братья остяки жены и дети свои для голоду продавали в работу и твоим государевым ясаком промышлять для голода стало нечем“³.

Рыбу ловили „в запорах и в курьях“ посредством снасти, которую источники называют „кылыданами“⁴. Рыбные ловли и „чердашные места“ находились в групповом владении и в конце XVII ст. бывали предметом продажи⁵.

Рыболовство, как основное занятие остяков, отразилось на всем их быту и способствовало сохранению среди них полукочевого быта, так как, по выражению Палласа, „для рыбных ловель остяки принуждены летом кочевать с места на место, смотря по местам рыбой изобильным; однако везде и при сих местах имеют они зимовья, в коих прежде живали и в коих в таких случаях обитали“⁶. Этим объясняются переходы в зависимости от времени года „из вешних юрт“ в расположенные нередко на большом от них расстоянии „зимние“ юрты и обратно⁷.

Зверинные промыслы играли в хозяйстве приобских остяков менее важную роль, чем рыбная ловля⁸. В тундрах, облегающих низовья Оби, пушной зверь не водился. „А лешего промыслу в Обдорской волости нет, потому что у нас места тундряные и болотные, близко к мрюю большому студеному“, — заявляли обдорские остяки в 1642 г.⁹. Для ясака они поэтому и покупали мягкую рухлядь у самоедов, привозивших ее из Мангазеи. Точно так же „негде“ было промышлять белку и всякого зверя кодскими остякам: „живсем по край Оби реки, — жаловались они в 1650 году, — кор-

Сибирский Приказ, ст. № 123, л. 237

Там же, ст. № 111, л. 370.

¹ Там же, ст. № 123, лл. 236 — 237. Аналогичные жалобы обдорских, нуковатских и сосвинских остяков, там же лл. 239 — 240.

² Там же, ст. № 376 (челобитная кодских остяков). Хр. Лопарев, Самаров, СПб., 1896. Прилож. № 9. № 38.

³ Лопарев, назв. соч., прилож. № 10.

Паллас, назв. соч., стр. 53 — 54.

⁴ О „вешних“ и „зимних“ юртах у обдорских и кодских остяков см. Сибирский Приказ, ст. № 134, л. 175 сл.

⁵ „Зверовые и птичьи промыслы (остяков) не столь... заслуживают особенного описания“, говорит Паллас.

⁶ Сибирский Приказ, ст. № 123, л. 239.

мимся рыбою, а отхожих, государь, промыслов и речек нет, и, вверх идучи Обью рекою, все пришли болота и тундры... и нам, государь, промышляти негде"¹. В Казымской волости „в осень“ били белку. „Соболиного, государь, у нас промыслу нет,—говорится в челобитной казымских остяков 1642 года,—а наперед сего до прошлого 149 года была в Казымской волости в лесах белка, и мы, сироты твои, на промыслах белку ловили и белкой твоей государев ясак и выплачивали, а в прошлом, государь, во 149-м году из Березовского уезду белка сошла неведомо куды“². Сургутский уезд был много богаче пушным зверем. На Вах ходили даже кодские остяки „для звериного промысла“ из Березовского уезда. Тем не менее и здесь зверь значительно испромыслился, и сургутским остякам приходилось ходить „на зверовые промыслы в дальние места на Енисею и на Таз“. „Да у нас же,—жаловались они,—прежние звериные угодья, которые были вблизи... леса выгорели и запустели, и зверя никакого нет, а ходим мы на лес промышлять в дальние места недель по 10 и больше“³. Из-за промышленных угодий шла поэтому ожесточенная борьба между самими туземцами. Так, остяки Лум-Пуколской волости Сургутского уезда, расположенной в ближайшем соседстве с Нарымским уездом, сильно страдали от набегов своих нарымских соседей, которые то-и-дело вторгаются в их угодья „лисиц гонять“, „гоняючи-де лисца, пустошат их клеткиша, емлют их годовою запас, рыбу и жир, и лисицы выбивают своим насильством“⁴.

„Звериные“ угодья: „лисиц гнезда, и соболиные, выдерные и бобровые и росомачьи и беличьи и горностаевы промыслы и лосиные ямы“ а также „птичьи ловли“ и пересынные места“ являлись в Сургутском уезде предметом общего владения отдельных групп остяков и в конце изучаемого периода могли отчуждаться⁵.

Кроме обычных у сибирских звероловов приемов охоты, вынимали из нор молодых лисенят (особенно ценных чернобурых) и растили в неволе; меха таких „кормных“ лисиц, возвращенных без возможности много и быстро двигаться, были более пушисты⁶.

Охота служила главным образом для уплаты государева ясака. Излишки мехов шли на одежду⁷ и на обмен. Меха остяки умели выделывать довольно искусно, соскребая мездру костяными скребницами, изображение которых встречается довольно часто среди остяцких подписей⁸. Охота на водяных птиц в первую

¹ Сибирской Приказ, ст. № 376.

Там же, ст. № 123, л. 237.

Там же, ст. № 8, л. 26, № 80, л. 33, № 462; кн. № 154, л. 621.

² Там же, кн. № 1, лл. 245об — 246.

³ Лопарев, назв. соч., прилож. №№ 3, 5, 8, 11, 17, 18, 22, 38.

⁴ Сибирской Приказ, кн. № 20, л. 218.

⁵ Шубы белиц. Сибирский Приказ, кн. № 17, лл. 71об, 78 — 78об., 82об., 89об., 118об., кн. № 202, л. 17об., 108об.

⁶ Ср. Паллас, назв. соч., т. III, пол. I, стр. 59—60.

очередь удовлетворяла „скудость в пище“; из птичьих шкурок выделялись шубы¹. Начало охотничьего сезона на этих птиц ознаменовалось большими празднествами в Белогорье в честь хранившегося в тамошнем святилище изображения „медного гуса“².

Охотничьи навыки нашли себе выражение в остроданных плясках, в которых пляшущие подражали движениям дичи. Такова пляска журавля, при которой танцующий, скорчившись и закрывшись шубой, сквозь рукав продевал палку, к концу которой была приделана деревянная журавлиная голова, делая „палкой все движения, как настоящий журавль головой производит“, или пляска лоса, три которой изображался различный побег зверя: „рысью или вскок, или так ходит просто, также и малые отдыхи, кои лось в побеге делает для осматриванья, откуда за ним гонятся“³.

Обдорские остяки, жившие в тундрах, прилегающих к Обской губе, разводили оленей, и „мощнейшие“ из них, особенно князья, содержали значительные табуны, которые паслись под наблюдением наемных самоедов. Олени в частности служили обдорским остякам средством обмена на мягкую рухлядь самоедов. Занимались олениводством и лянпинские вогуличи⁴.

В более южных районах (в Сургутском уезде) в конце столетия встречаются признаки начатков скотоводства, очевидно, под влиянием русских; по крайней мере, здесь упоминается право владения остьяков на сенные покосы и скотские выпуски⁵. Впрочем, возможно, что сами остяки этими пастбищами не пользовались, а предоставляли их русским на известных условиях. В документах XVII в. встречаются лишь редкие указания о приобретении лошадей и рогатого скота.

О земледелии не могло быть и речи в тех географических условиях, в которых жили приобские остяки.

Хлеб до известной степени заменял некоторым из них „корень белый сусак, который они летом собирают в запас сушат и зимою едят“⁶.

Из ремесел, кроме выделки кож, упоминается ткань полотна из крапивы, заменявшей им „русскую“ коноплю: „от крапивы бо зеленая хитрости истягают нити,—говоря словами Новицкого, из сих холсты утворяют“. Из этого „крапивного холста“ они де-

¹ Новицкий, назв. соч., стр. 35, 39.

² См. ниже.

³ Падлас, назв. соч. т. III, пол. I, стр. 86.

⁴ Сибирский Приказ, ст. № 111, л. 389 и распис. Ср. у Новицкого, стр. 37. Памятники сибирской истории XVIII в. т. II, № 52. Уже в описании похода князя Курбского 1499—1500 г. говорится о том, что „воеводина Ляпина“ встретил с Одора на оленях югорские князь, (Библиотека Акад. наук СССР, 32. 5. 1, л. 43). Обдорский князь Василий в 1600 г. предоставил русскому экспедиционному корпусу оленей для похода в Мангазею (Р. И. Б., т. II, № 188).

⁵ Лопарева Самарина приложение, №№ 9, 10, 12.

⁶ Путешествие Спасского, стр. 84 Новицкий в назв. соч., стр. 38, Ср. Сибирский Приказ, ст. № 8, л. 26. То же и у западных вогуличей — Лопарева, Дневные записки путешественника. СПб. 1771, т. II, стр. 19.

дали рубашки, украшая их „различными пестротами“ и „вышивая нитями разные взоры“, а также „пологи для сохранения от комаров“¹.

Торговля играла довольно крупную роль в хозяйстве преимущественно березовских остяков. Самое местожительство на реках, входивших в состав „чрезкаменного“ пути, которым ходили русские поморы и коми. втягивало их в торговый кругооборот, а близкое соседство и давнишние связи не только с самоедами, кочевавшими вокруг Обской губы, но и с зауральскими, делали их естественными посредниками между ними и русскими покупателями пушнины. Самоеды, по словам одной ясачной книги, „приезжают в Казымскую и Обдорскую волость для торгу в одно время, по первому зимнему пути, покупают у остяков рыбные запасы и, быв в Казымской и Обдорской волости, отъезжают в тундры“. Войкарский городок на Обдори служил местом оживленной ярмарки, куда „по первому зимнему пути березовская и пустозерская самоедь к ясачным остякам приезжают“. Остяки продавали самоедам сухую рыбу и жир рыбий, а также живых оленей и в обмен получали от них пушнину². С другой стороны, русские торговые и служилые люди проездом через Обдорь по пути в Сибирь или обратно покупали у остяков меха и жир рыбий³.

Как березовские, так и сургутские остяки покупали у русских торговцев „для промыслов топоры и котлы и платьишко“, а также запасы. В обмен шли меха, в частности пупки и хвосты собольи и лапы лисьи⁴. Кроме того, единицами обмена служили среди березовских остяков, как у гомеровских греков, рабыни, панцыри и лошади; среди сургутских — скот и материи⁵.

Благодаря торговле в обиход остяков стали проникать деньги. Так, за собаку в 1639 г. сургутский остяк взял, кроме льняной рубашки, прошитой по вороту золотом и по швам шелком, еще 6 денег⁶. В конце XVII в. среди сургутских остяков денежное обращение довольно значительно; они занимают у русских деньги „для хлебные покупки“⁷.

Очерк хозяйственного быта приобских остяков и вогулов был бы не полон, если бы не отметить того значительного места, которое в ней играла война. Кодские князья совершали в конце XVI века систематические набеги из года в год на соседнюю Конду в целях захвата рабов. „И ныне-де князь Игичеевы люди,—

¹ Сибирский Приказ, ст. № 376 (челобитная кодеских остяков) Новичкин, назв. соч. стр. 38.

² Там же, кн. № 19, л. 719об., ст. № 111, л. 346, ст. № 1683, № 123, л. 237.

³ Там же, кн. № 42 (Обдорская тамош. книга, 149), лл. 80—80об. 93, 254об., 254.

⁴ Там же, ст. № 49, лл. 135, 153, № 58, л. 63, № 80, л. 331, № 90, л. 332.

⁵ Про березовских остяков см. выше, о Коде. Про сургутских — у Будимского в назв. статье (цены на рабов);

⁶ Архив И. А. И., карт. 185/1

⁷ Лопарев, назв. соч., № 8 в passim.

жалуются в 1600 г. кондинские вогулячи,—приходят к ним в Конду, их побивают и жены и дети емлют себе в юрты по прежнему в холопи и юрты-де их пустошат¹.

Доля в военной добыче была, как мы увидим ниже, одной из важных доходных статей кодских князей, которые ссужали своих служилых остяков вооружением и всем необходимым для похода и требовали за то части добычи.

Постоянные войны шли у приобских остяков с самоедами, которые беспрестанно производили разорительные набеги на их юрты. Остяцкий эпос воспеваеь подвиги богатырей в войнах с самоедами и горячие схватки под стенами осажденных ими городков².

В XVII веке самоеды то-и-дело совершают набеги на остяцкие волости. В 1678/79 г., например, пришли на Обдорь „воровская самоедь больше 400 человек и ясачных остяков, которые были в юртах и на промыслах и у рыбной ловли убили 23 человек и над ними наругались, носы и рук персты у них резали, а жен их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон... пришаде они для того, что князца Гынду Моликова с товарищи убить и все обдорских остяков разорить, и запасы и платье и топоры и ножи и котлы... [мягкую] рухлядь отняли, оленей они увели без остатку“. Такие набеги имели место еще в XVIII в., и постоянно требовалось вмешательство московской власти для защиты от них остяков и для восстановления мира³. Жестокости, которые чинились самоедами, вызваны были несомненно той эксплуатацией, которую сами они терпели от остяков. Много самоедов было в кабале и рабстве у остяцких князьков. Так, вражда с Гындою была вызвана тем, что он держал у себя „в работе“ 13 самоедов и всех их „приморил с голоду“⁴. Остяки торговали между собою самоедскими рабами; когда остяки считали нужным прибегать к человеческому жертвоприношению, то жертвой обычно являлся купленный „самоедский малый“.

В результате войн и торговых сношений березовские остяки в значительной степени подчинили своему влиянию не только соседнюю кунную и карачейскую самоедь, но даже самоедь мангазейскую, кочевавшую на реках Пуре и Тазе, а сургутские—самоедь асидскую и кунную, а также кузнецкую на Пур-Югане.

Постоянные войны с соплеменниками и с самоедами способствовали развитию среди приобских остяков большой воинственности: „а всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою“⁵.

¹ Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 254.

² Патканов, (Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по быльям и сказаниям (Живая старина за 1891 г.).

³ Сибирский Приказ, ст. № 134, л. 337. Доп. к А. И., т. V—№ 68, XI—№ 28, VIII—№ 44 (4). Памятники Сибирск. истории XVIII в., т. II, №№ 9, 32, 46, 52. Абрамов, Введение христианства у березовских остяков (Журн. и-ва нар. просвещения, 1851. IV).

⁴ Доп. к А. И., т. V—№ 68.

⁵ Путешествие Спафария, стр. 84.